

Протоиерей Владислав Цыпин,
профессор Московской Духовной Академии,
член Синодальной Комиссии по канонизации святых,
клирик города Москвы

Богословско-канонические основания прославления святых

Церковь Христова пребывает не только здесь, на земле, но и на небе, и к Церкви, торжествующей на небесах, принадлежат не только небесные бесплотные силы, но и «честнейшая Херувим и славнейшая Серафим» Божия Матерь, а также души усопших праведников. Между христианами, живущими на земле и отошедшими в иной мир, продолжается общение, которое выражается как в наших молитвах об усопших, так и в заступничестве за нас пред Престолом Вседержителя Его угодников в ответ на наше молитвенное обращение к ним. Святые, пребывая вместе с ангелами в Царстве Небесном, возносят молитвы Богу за чад церковных и за весь мир. Православная Церковь заповедует своим чадам призывать святых в своих молитвах, благоговейно почитать их иконы и мощи, но почитание святых не равнозначно поклонению и служению, которое воздается христианами единому только Богу. И восхваляя подвиги святых угодников, православные христиане относят воздаваемую ими честь самому Творцу, благодатию которого они достигли святости, стяжали дары Святого Духа.

Суд над усопшими творит Господь, Он один ведает участь, уготованную каждому из нас. По Церкви, которая является столпом и утверждением истины (1 Тим. 3:15), открывается, что некоторые из почивших угодили Богу своим святым житием, достигли вечного блаженства и предстательствуют за нас перед Его Престолом. Прославленные Богом, они прославляются и Церковью. Признание Церковью того или иного из ее усопших членов состоящим в сонме угодников Божиих и называется канонизацией. В область церковного права канонизация входит постольку, поскольку она подразумевает, как писал Е. Темниковский, «допущение или предписание чествовать в Церкви умершего ее члена... иначе говоря, установление его культа»¹.

Известный русский церковный историк Е.Е. Голубинский, рассматривая вопрос об условиях причтения к лику святых в Древней Церкви, разделял древних святых на три разряда: первый разряд – это ветхозаветные патриархи и пророки и новозаветные апостолы; второй – мученики; третий – «святые, относительно которых необходимо думать, что Церковь признавала их не по причине принадлежности их к известному классу, а потому, что лично того или другого из них считали достойным сего признания. Это святые из подвижников (аскетов)»². Ветхозаветных святых и новозаветных апостолов Церковь почитала изначально. Древние христианские мученики издревле почитались как святые уже по самому факту пролития ими крови за Христа. Для их прославления не было необходимости в особенно тщательном предварительном исследовании их житий. До обращения они могли, подобно благоразумному разбойнику, быть и закоренелыми грешниками.

Что же касается иерархов-святителей, то, по мнению профессора Е.Е. Голубинского, вначале они принадлежали к первому разряду, т.е. причислялись к лику святых наравне с апостолами уже в силу самой их принадлежности к иерархии, а потом стали прославляться наравне с подвижниками, за их личные достоинства. В доказательство того, что древние архиереи причислялись к лику святых уже по самому своему положению, если, конечно, они не отпадали в ереси или не были лицами с заведомо сомнительной репутацией, Голубинский приводит такие сведения. Из 74 епископов, занимавших Константинопольскую кафедру с 315 по 1025 гг., не были

прославлены только 18 еретиков и 7 православных, причем только о трех из них достоверно известно, что они не были канонизированы, другие 4 иерарха, возможно, и почитались некоторое время. А если взять списки Константинопольских епископов с 315 по 846 гг., то из 58 иерархов прославлено 30, 18 епископов были еретиками, и только двое – Акакий и Флавита – не прославлены, хотя и не были явными еретиками, но православие их под подозрением, так как они пытались примирить диафизитов с монофизитами на основании энотикона Зенона. Патриарх Акакий к тому же умер под анафемой папы. Но с XI в. Константинопольские Патриархи причисляются к лику святых уже только в связи с их личными достоинствами.

Относительно канонизации подвижников, т.е. третьего разряда святых, Е.Е. Голубинский писал, что Церковь признавала и признает их святыми «на основании сверхъестественного свидетельства о них самого Бога, Который тех или других между ними удостоивал дара чудотворений еще при жизни или по смерти. Не предполагая этого единственного твердого и не зависящего от человеческих пристрастий основания, мы должны были бы думать, что в признании подвижников святыми господствовал в древнее время произвол, чего думать, конечно, нельзя. Читая жития древних подвижников, причисленных к лику святых, мы почти не находим между ними таких, которые бы не обладали даром чудотворений еще при жизни; а эта общая принадлежность дара чудотворений подвижникам, признанным Церковью за святых, и дает полное основание предполагать, что сей именно дар и был причиной их причтения к лику святых»³.

Несколько иную последовательность событий, сопровождающих прославление угодников Божиих в древности, в отличие от синодального периода, выстраивает Е. Темниковский: «Слава святой жизни того или другого подвижника не умирала вместе с ним; благочестивый подвижник... становился предметом народного чествования, сначала, быть может, в сравнительно незначительном районе, который с течением времени мог расширяться. Таким образом являлся культ святого. К нему постепенно присоединялись и церковные власти, прежде всего местные, затем иногда и центральные, соответственно с тем, как широко распространялся культ святого. Присоединение церковных властей к народному культу, дававшее последнему официальное значение, не было каким-либо формальным актом вроде современной канонизации, а совершалось постепенно... Вера в чудеса подвижников, конечно, входила в качестве составной части в религиозный культ святых... но она не составляла здесь исходного момента и тем менее единственного основания почитания святых, исходным моментом и основанием его, хотя, быть может, не единственным, было убеждение в святости жизни подвижников»⁴. В связи с этим рассуждением Е. Темниковского уместно заметить, что в новейший период при канонизации святителей и преподобных посмертное почитание подвижника является одним из условий прославления святого.

В Русской Православной Церкви, по исследованию Е.Е. Голубинского, сам порядок канонизации складывался последовательно из записывания чудес и донесения о них начальству, из дознания о достоверности чудес, производимого церковной властью, и, наконец, из самой канонизации. Профессор Н.С. Суворов, возражая профессору Е.Е. Голубинскому, писал, что порядок этот не всегда соблюдался. Известны случаи, когда чудеса без всякого предварительного обыска, вслед за их оглашением, сопровождались колокольным звоном и церковным торжеством. Но и Е.Е. Голубинский признавал, что иногда «подвижники становились святыми без нарочитой канонизации»⁵. В синодальную эпоху сам акт канонизации, по характеристике Е. Темниковского, происходил так: «Святейший Синод,

удостоверившись в наличии оснований для причтения подвижника к лику святых, подносит Государю всеподданнейший доклад, в котором излагает самое дело и свое мнение по нему. Доклад утверждается резолюцией Государя; при этом иногда назначается и особый день для церковного торжества, соединяемого с открытием мощей угодника... свое действие и силу канонизационный акт получает только с момента торжества»⁶.

Святые Православной Церкви разделяются на общечтимых и местночтимых. Местные святые почитаются только в отдельной части Церкви, чаще всего в пределах одной или нескольких епархий, но иногда также лишь в одном монастыре или даже только в одном приходе.

Что же касается святых общечтимых, то таковыми у нас считаются как святые, чтимые Вселенской Церковью, то есть во всех поместных Православных Церквях (во многих случаях они почитаются и в Католической церкви и в нехалкидонских церквях; прежде всего, это относится к ветхозаветным пророкам и патриархам, новозаветным апостолам и многим древним мученикам, святителям и преподобным), так и святые, почитаемые только в одной Поместной Церкви, в частности, в Русской или в нескольких поместных Церквях. При этом Поместные Церкви, совершая канонизацию, извещают другие Поместные Церкви о состоявшемся прославлении новоявленного угодника, и высшей властью этих Церквей имя новопрославленного святого может быть внесено в святцы также и этих Церквей. Так, во второй половине XX столетия в наши святцы были внесены имена многих угодников, канонизованных другими Православными поместными Церквями, в том числе и русских по происхождению. Так, 19 июля 1962 г. Священный Синод постановил внести в календарь Русской Православной Церкви прославленного ранее Константинопольским Патриархатом и Элладской Церковью святого исповедника Иоанна Русского. В марте 1969 г. Собор епископов Русской Православной Церкви в Америке совершил прославление просветителя алеутов преподобного Германа Аляскинского, выходца из Преображенского Валаамского монастыря. Имя преподобного Германа после его прославления в Америке уже в 1970 г. было внесено в святцы Русской Церкви. Уже в ближайшее к нам время, в 1993 г., имя канонизированного в 1988 г. Константинопольской Церковью русского по происхождению святого преподобного старца Силуана Афонского было также внесено в календарь Русской Церкви.

Канонизация местночтимых святых в разные эпохи совершалась по-разному, в настоящее время она совершается правящим архиереем епархии после предварительного благословения на прославление угодника со стороны Предстоятеля Русской Церкви Святейшего Патриарха. Что же касается характера почитания и критериев канонизации, то он одинаков и для местночтимых святых, и для святых Вселенской Церкви. И общечтимые и местночтимые святые одинаково призываются в общественных церковных молитвах, в их честь составляют службы, во имя их освящаются престолы и храмы, им устраиваются ежегодные празднества, их изображения почитаются как иконы; почитаются также их мощи. Жития святых, а также написанные ими сочинения служат назидательным чтением для христиан.

Но прославление святого, вопреки существующим превратным представлениям, не обозначает признания совершенно безукоризненными всех его дел и поступков. Без греха, по нашей христианской вере, из всех рожденных от Адама единый только Господь Иисус Христос, но этого нельзя утверждать относительно прославленных угодников Божиих. Не менее важно также отметить, что при исключительно высокой авторитетности всего сказанного и написанного святыми, Церковь не усваивает их мыслям и их писаниям непогрешимости. Даже когда мы имеем дело с творениями

отцов Церкви, необходимо давать себе отчет в том, что истиной признаются Церковью не все вообще мысли, содержащиеся в них, но только те положения, в которых обнаруживается consensus patrum – согласие отцов, выражающее само Священное Предание Церкви.

Православных христиан не должны смущать разногласия и споры между святыми, жившими в одну и ту же эпоху, по тем или иным вопросам, не затрагивавшим самих догматов веры, и даже иногда имевшие место разделения в евхаристическом общении между ними. Так, в эпоху между I и II Вселенскими Соборами Церковь, получившая мир от внешних гонений, переживала тяжелый внутренний кризис. Защитникам православного Никейского тринитарного догмата противостояли носители разных версий арианских и полуарианских еретических учений. Но ситуация осложнена была еще и тем, что не было полного единства и даже евхаристического общения между всеми православными. На одной стороне были св. Афанасий Великий, его приверженцы в Александрийской Церкви и Западная Церковь, возглавляемая в 370-е гг. папой Дамасом, а на другой – так называемые новоникейцы: св. Василий Великий, другие отцы-каппадокийцы, св. Кирилл Иерусалимский, св. Мелетий Антиохийский. Часть православных на Западе и в Египте подозревала их в «полуарианстве». Противостояние между православными группировками особенно остро и болезненно проявилось в Антиохийской Церкви, где было тогда два епископа, занимавших эту высокую кафедру, которые, естественно, друг друга не признавали и не имели общения между собой: св. Мелетий, находившийся в общении со св. Василием Великим и другими новоникейцами, и Павлин, который имел общение со св. Афанасием, папой Дамасом и всею Западной Церковью. Св. Мелетий, на стороне которого было большинство антиохийцев, был принят в общение с папой Дамасом и православным Западом, а также последователями св. Афанасия в Александрийской Церкви в 379 г. на Антиохийском Соборе уже после кончины святых Афанасия и Василия. И вот Церковь почитает как святых и Афанасия Великого и Мелетия Антиохийского, между которыми канонический разрыв оставался до самой кончины св. Афанасия Великого непреодоленным.

До известной степени подобная ситуация сложилась в Русской Церкви в эпоху гонений на нее, в 1920-1930-е гг., когда в ней возникли разделения, вызванные главным образом именно этими гонениями. Чашу страданий испили тогда и лица, которые пребывали в расколах и разделениях. Встал вопрос о том, можно ли их тоже считать мучениками в строго церковном смысле слова, иными словами, существует ли возможность церковного прославления тех, кто завершил свою земную жизнь в разделинии или расколе.

Отвечая на этот вопрос, удалось избежать упрощения. Есть несомненная разница между расколами, которые либо граничат с ересью, то есть возникли вследствие глубоких заблуждений эkkлезиологического характера, либо происхождением своим обязаны преступному властолюбию, самоволию и всякого рода бесчинным акциям церковных раздорников, с одной стороны, а с другой – теми разделениями, которые появились в церковной среде вследствие разного видения путей адекватного реагирования на бедственные для Церкви явления и которые изживались Церковью в исторически короткие сроки. Давая оценку разделениям, возникшим в нашей Церкви в 20-е гг., нельзя было ставить в один ряд обновленческий раскол, с одной стороны, и «правую оппозицию» – с другой. Обновленчество приобрело характер откровенного раскола в 1922 г., когда, захватив канцелярию Патриархии во время пребывания Предстоятеля Русской Церкви под арестом, группа священников, никем не уполномоченная, объявила о создании Высшего Церковного Управления (ВЦУ),

включив в его состав только двух епископов по своему выбору, один из которых был под запрещением, тем самым оно нанесло предательский удар по Церкви. В дисциплинарной практике обновленцами был погран канонический порядок церковных установлений (многоженство священнослужителей, так называемый «белый» епископат). Все это не только в работах историков, но и на уровне авторитетных постановлений церковной власти получило однозначную оценку как квалифицированный раскол: при присоединении к Православной Церкви кающихся обновленцев рукоположения, полученные ими в расколе, не признавались действительными. В конце 1930-х гг. жертвами репрессий были и отдельные обновленческие деятели, но ведь в те годы погибли многие из тех, кто вообще никакого отношения к Православной Церкви не имел, погибали и сами недавние носители, и даже вожди, атеистической власти. Поэтому сделан был вывод о том, что ставить вопрос о возможной канонизации таких лиц необоснованно. Аналогичный вывод сделан был и относительно других расколов: григорьевского и самосвятского.

Но в своей дисциплинарной практике Священноначалие иначе, чем к обновленцам, относилось к присоединяемым из непоминающих: они принимались по покаянию в сущем сани. В действиях «правых» оппозиционеров, часто называемых «непоминающими», нельзя обнаружить явно злонамеренных, исключительно личных, предательских мотивов. Как правило, их действия обусловлены были по-своему понимаемой заботой о благе Церкви. Как хорошо известно, «правые» группировки состояли из тех епископов и их приверженцев среди священнослужителей и мирян, кто, не соглашаясь с церковно-политической линией назначенного святым митрополитом Петром Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита (потом Патриарха) Сергия, прекращал возношение имени Заместителя за богослужением и таким образом порывал каноническое общение с ним. После кончины митрополита Петра «непоминающие» не признали главой Церкви, Местоблюстителем Патриаршего Престола, митрополита Сергия, не признали законности избрания его Патриархом. Но когда Святейшим Патриархом избран был Алексей I, большинство из оставшихся в живых «правых» оппозиционеров (почти все они погибли в 30-е гг.) воссоединились со Священноначалием Русской Церкви.

С учетом этих соображений сделан был вывод о возможности канонизации тех архиереев, клириков и мирян, кто пал жертвой репрессий, находясь в отделении от Заместителя Местоблюстителя, но не переставая признавать главой Церкви заточенного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и не пытаясь образовать иной, параллельный церковный центр.

Резюмируя сказанное, можно указать на следующие критерии канонизации святых, которыми руководствуется Русская Православная Церковь в настоящее время: безукоризненное исповедание православной веры, подвижническое житие, народное почитание, а также прижизненные и посмертные чудеса, совершаемые по молитвам угоднику, и, наконец, в некоторых случаях – полное или частичное нетление святых мощей. При канонизации мучеников, важнейшее значение имеет сам факт пролития крови за Христа. В связи с этим особое значение предается выявлению всех обстоятельств, сопряженных с исповеданием им веры при совершении подвига.

Помимо канонизированных святых есть еще один особый вид почитаемых усопших – подвижники благочестия. Канонизации почти всегда предшествует почитание святого как подвижника без всякой на то официальной санкции. На могилах таких подвижников и праведников, еще при жизни прославившихся богоугодным житием и особыми благодатными дарами, поются частые панихиды, в дни их смерти совершаются заупокойные литургии, их имена вносятся в синодики для каждодневного

поминовения на Литургии. Над гробами подвижников благочестия устраиваются памятники в виде арки или часовни, иногда с изображениями подвижников на надгробницах. Почитатели усопших составляют им службы и акафисты, хотя они и не имеют церковного употребления. В своих келейных молитвах почитатели, верующие в их святость, обращаются к ним как к угодникам, предстоящим пред Престолом Божиим. В большинстве случаев канонизации святого предшествует его народное почитание как подвижника благочестия.

¹ Темниковский Е. К вопросу о канонизации святых. Ярославль, 1903. С. 4.

² Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2-е, М, 1903. С. 13.

³ Там же. С. 16.

⁴ Темниковский Е. К вопросу о канонизации святых. С. 19-20.

⁵ См.: Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С.292-294.

⁶ Темниковский Е. К вопросу о канонизации святых. С. 56-57.